

В той весьма небольшой части работы, которая посвящена истории православия, основное внимание уделено наиболее доступному для изучения периоду – с начала XIX в. С 1999 г. в Карелии проводились научные конференции, посвященные истории православия. Уровень большинства докладов и опубликованных материалов оказался крайне низким, несмотря на энтузиазм многих участников и поддержку со стороны епархиального и республиканского руководства.

Изучение истории православия в Карелии осуществлялось и иным путем – опосредованно, в связи с изучением оппозиционных «господствующей церкви» религиозных течений. Например, при изучении истории Выговской пустыни, расцвет которой приходился на XVIII в., авторы неизбежно обращались к вопросам, связанным с историей официального православия⁶⁷. Здесь имели место лишь отдельные суждения о взаимоотношениях прихожан и белого духовенства. Аналогичный вывод можно сделать и при знакомстве с литературой о семейной обрядности⁶⁸. Привлечение материала, связанного с приходской жизнью, имело второстепенное значение. Главное внимание уделялось той стороне вопроса, которая непосредственно связана с дохристианскими верованиями. В силу специфики источников эти исследования ограничивались второй половиной XIX–началом XX в.

Цель и задачи исследования, территориальные и хронологические рамки

Анализ историографии позволяет сформулировать цель и задачи исследования. Цель исследования состоит в изучении влияния российского законодательства, центральной и местной церковной администрации на эволюцию внутреннего строя сельского и городского прихода, традиции и новации приходской самоорганизации в течение длительного периода религиозной жизни Олонецкой епархии. Исходя из этой цели мною сформулированы следующие задачи. Во-первых, в качестве основной задачи я рассматриваю исследование взаимоотношений прихода и государства в XVIII–начале XX в. В этой связи необходим тщательный анализ законодательства, которое регулировало разные аспекты жизни конфессиональных общин, а также

⁶⁷ Пулькин М.В. Старообрядческие полемические произведения конца XVIII в. о взаимоотношениях с приходским духовенством // История и филология: проблемы образовательной и научной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск, 2000. С. 223–228.

⁶⁸ Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность. Л., 1977.

изучение новшеств, привнесенных в жизнь сообществ верующих в результате правовой регламентации. Во-вторых, предстоит обратиться к проблеме воспроизводства традиционного приходского уклада: выяснить, в какой мере в разные исторические периоды выборы духовенства, замещение должностей церковных старост, строительство церквей являлись результатами инициативы самих прихожан. Одна из задач исследования, таким образом, видится в выявлении наиболее общих закономерностей формирования и сохранения устойчивых сообществ православных людей. В качестве третьей задачи мною рассматривается проблема влияния государства на функционирование приходских структур власти, а в конечном итоге — на повседневную жизнь прихода. Самым главным вопросом здесь является богослужение и требоисполнение. Предстоит выяснить отношение крестьян к исполнению церковных таинств, а также влияние на жизнь церкви нововведений, привнесенных законодательством XVIII—начала XX в. Есть и другая — земная — сторона этой проблемы. Существенное значение имеет исследование обеспечения духовенства, деятельности приходских попечительств, а также разнообразных форм внебогослужебного общения между клиром и прихожанами. Четвертая задача — изучение проблем адаптации прихода к внешним факторам: специфике этнического состава населения, церковному расколу и деятельности старообрядцев, становлению и развитию городов. Изучая эту проблему, я не ставлю целью изложить историю каждого из городов, все особенности этнической истории или специфику межконфессионального взаимодействия. Все эти проблемы будут рассматриваться в той мере, в которой это необходимо для реализации главной цели данной работы.

Таким образом, данное исследование направлено далеко не на все аспекты истории прихода. *Оно касается тех вопросов, в которых проявилось взаимодействие власти (местной и центральной) и православного сообщества верующих, а следовательно, сочетание закона и традиции в наиболее принципиальных, основополагающих вопросах существования прихода.* Например, паломничество, взаимодействие прихода и монастыря становились существенным элементом приходской жизни в ряде местностей России. Но эта сторона жизни конфессиональной общины не отражалась в законодательстве, а потому представлена в самых общих чертах. Любой здравомыслящий исследователь, приступая к изучению прихода, отдает себе отчет в том, что изучить *абсолютно все* аспекты жизни этого церковного сообщества даже на относительно небольшой территории в рамках *одной* монографии в принципе невозможно. Это требует усилий коллектива

специалистов самых разных областей знаний (историков архитектуры, этнографов, искусствоведов, специалистов по церковной топонимике и географии и т.д.) в течение десятков лет. И все же есть важный аспект, который поддается изучению усилиями скромного исследователя-одиночки; он и выбран темой данного труда.

При написании работы мною использованы данные как о светском, так и о церковном административно-территориальном делении. С одной стороны, в качестве территориальных единиц в исследовании используются Олонецкая епархия и приходы, но с другой – уезды (а не заказы). Такой порядок обусловлен как особенностями источников, так и действительным положением дел в епархии. Как видно из промемории Олонецкой духовной консистории, направленной в 1775 г. в адрес канцелярии пригорода Паданска, консистория предписывала разделить Олонецкий уезд на три заказа (с центрами в Вытегре, Олонце и Паданске). Нет никаких сведений о том, применялось ли когда-нибудь это решение на практике. Одновременно в промемории предписывалось, чтобы церковное административно-территориальное деление было приведено в соответствие светскому, поскольку «уже ныне примечаются некоторые неудобства от несходственности гражданского з духовным росписанием»⁶⁹. Эта тенденция была продолжена: после образования Олонецкой губернии (в 1784 г.)⁷⁰ в каждом из уездов появились духовные правления⁷¹. При этом в документах церковного делопроизводства повсеместно указывались именно уезды, даже если речь шла о приходах и вообще о церковных вопросах. В целом территория Олонецкой епархии совпадала с территорией Олонецкой губернии, сложившейся к 1802 г.

Территориальные рамки исследования охватывают Олонецкую епархию, созданную 15 июля 1764 г. Первым местом пребывания епископа стал Александро-Свирский монастырь. Епископ именовался новгородским викарием⁷², но фактически, судя по изучен-

⁶⁹ НА РК, ф. 652, оп. 1, д. 3/47, л. 2.

⁷⁰ См. именной указ «О переименовании Олонецкой области наместничеством» // ПСЗ-1. Т. 22. № 15999.

⁷¹ Указ об образовании правлений мною не обнаружен. О существовании этих учреждений в изучаемый период можно судить по сохранившимся архивным фондам (НА РК, Олонецкое духовное правление – ф. 300, Петрозаводское – ф. 126, Повенецкое – ф. 299, Пудожское – ф. 501).

⁷² Отличие викария от полноценного епископа состоит в праве рукоположения священников, которого викарий лишен. Однако олонецкий архиерей рукополагал священников.

ным мною материалам делопроизводства и авторитетному мнению И.М. Покровского, управлял самостоятельно⁷³. Это отнюдь не формальный рубеж: отныне церковная администрация была максимально приближена к приходам, которые оказались под более пристальным контролем. Побочным эффектом этого процесса стало появление большого числа архивных дел, отложившихся в фондах Свирского монастыря (ф. 3, архив СПбИИ) и канцелярии Синода (ф. 796, РГИА), а затем – в фонде Олонецкой духовной консистории (ф. 25, НА РК). По сути дела, создание Олонецкой епархии предвосхитило создание Олонецкой губернии, которая 20 лет спустя была создана примерно в тех же границах, что и епархия. Руководство новой церковно-административной единицы столкнулось с серьезными проблемами: нехваткой духовенства, сильным старообрядческим влиянием, языковым барьером между священниками и паствой. Решить их не удалось, что привело к новым преобразованиям. В дальнейшем, 15 марта 1787 г., Олонецкая епархия была объединена с Архангельской⁷⁴. При этом словосочетание «Олонецкая епархия» продолжало активно использоваться в документах конца XVIII в., а ее территория управлялась особым Олонецким духовным правлением, действующим под контролем епископа Олонецкого и Архангельского. Повседневные вопросы в изучаемый период оперативно решали духовные правления, расположенные во всех городах Олонецкой губернии.

После смерти Екатерины II и восшествия на престол Павла I ситуация сразу заметно изменилась. Олонецкая губерния перестала существовать, а вслед за этим новшеством последовало другое, более важное для данного исследования. Значительная часть бывшей Олонецкой епархии, включающей города Олонец, Каргополь, Лодейное Поле и Петрозаводск, перешла в ведение Новгородского митрополита⁷⁵. Текущими делами управляли духовные правления, находящиеся в уездных городах; материалы их делопроизводства в полной мере отражают все аспекты жизни приходов в период до восстановления епархии. Возрождение Олонецкой губернии в 1802 г.

⁷³ *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 2, с. 435.

⁷⁴ См. именной указ «О соединении Олонецкой епархии с Архангельской и об именовании ее епископа Архангельским и Олонецким» // ПСЗ-1. Т. 22. № 16516; *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы, с. 553.

⁷⁵ Там же, с. 818.

не повлекло за собой существенных изменений в церковно-административном устройстве. Решение этого вопроса оказалось отложено на длительный срок. Главную роль в воссоздании епархии сыграла позиция олонецкого губернатора А.И. Рыхлевского, который обращал внимание императора на «размножение в тамошнем крае раскольников и необходимость образовать в губернии самостоятельную епархию»⁷⁶. Олонецкая епархия возродилась лишь в 1828 г. под наименованием Олонецкой и Петрозаводской⁷⁷, что отражало возросшую роль Петрозаводска — губернского города. В высочайше утвержденном докладе архиерею предписывалось именоваться Олонецким и Петрозаводским, пребывать в губернском городе Петрозаводске, получить от Новгородского архиепископа «первоначальное пособие из ризниц» для богослужений и в ближайшее время открыть духовную семинарию⁷⁸. Все эти распоряжения были выполнены. В таком неизменном виде Олонецкая епархия существовала вплоть до 1917 г.

Таким образом, в течение большей части изучаемого периода имеется возможность изучать относительно стабильное церковно-административное образование — Олонецкую епархию. Ее размеры оставались значительными — 131 473 кв. версты. Для сравнения, территория Новгородской епархии составляла к середине XIX в. 103 495 кв. верст; многократно превосходила ее лишь соседняя Архангельская епархия: она включала 673 742 кв. версты⁷⁹. *Хронологические рамки* логически связаны с территориальными. В качестве отправной точки исследования рассматривается 1764 г. — время создания Олонецкой епархии, а в качестве завершения — 1917 г., т.е. время, когда в жизни епархии произошли катастрофические изменения, по сути дела, перечеркнувшие многовековую традицию бытия православия в Карелии.

Источники

Постановка задач, выбор хронологических и территориальных рамок исследования обусловили круг используемых источников. Основу исследования составили несколько групп источников, как опубли-

⁷⁶ Материалы для истории православной церкви в царствование императора Николая I /под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1902. С. 243.

⁷⁷ Высочайше утвержденный доклад Святейшего синода о штате Олонецкого архиерейского дома // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. Пг., 1915. Т. 1. № 194. С. 276.

⁷⁸ Там же, с. 276–277.

⁷⁹ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ, с. 104.